

ЭДУАРД РЕЗНИК
МИФШУТКИ ДРЕВНЕЙ
ГРЕЦИИ

Эдуард Резник

**Мифшутки Древней
Греции. Сатирический
пересказ античных преданий**

«Издательские решения»

Резник Э. Л.

Мифшутки Древней Греции. Сатирический пересказ античных преданий / Э. Л. Резник — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-567210-0

Очеловечивание богов, как и обожествление смертных — любимое занятие гомо сапиенса. Хлебом нас не корми — дай очеловечить очередного небожителя или обожествить какое-нибудь убожество. Для того, знать, и созданы, чтоб «сказку сделать былью». Вот и автор, не желая отставать от соплеменников, решил предать греческим мифам былинный колорит, взглянув на античные предания сквозь призму сатиры. Ибо что может быть человечней и божественней сатиры и юмора? Итак, поехали! Приятного Вам времяпровождения.

ISBN 978-5-00-567210-0

© Резник Э. Л.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Хаос	6
Крон	7
Зевс	8
Посейдон	10
Аполлон	11
Актеон и Артемида	13
Аид и Персефона	14
Афина	16
Гермес	18
Афродита	20
Гефест	22
Гера	24
Фазтон и Гелиос	25
Дионис	26
Прометей	28
Пандора	30
Часть вторая	32
Данаиды	32
Сизиф	34
Тантал	36
Пелопс	38
Европа и Кадм	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мифшутки Древней Греции Сатирический пересказ античных преданий

Эдуард Леонидович Резник

На обложке Персей освобождает Андромеду после убийства Кита, 1 век н.э, фреска Casa Dei Dioscuri, Помпеи. Национальный музей Неаполя, лицензия CC BY-SA 2.5

© Эдуард Леонидович Резник, 2022

ISBN 978-5-0056-7210-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая Боги и полубоги

Хаос

По утверждению древнегреческих товарищей, вначале повсюду царил вселенский Хаос. И был он беспросветен, бесконечен и неопишимо одинок, пока однажды не посетила его мысль шалая:

«Мать моя Вселенная! – сингулярно ахнул Он. – Так я ж порождать могу!»
И породил Землю с Тартаром, Мрак с Ночью. И Эроса, для потехи.

Ну а с Эросом всё само понеслось-поехало: Гея-матушка породила Горы высокие, Моря глубокие. Мрак с Ночью породили День и Свет, для контрастности.

Мрачный Тартар тоже нарожал себе всякого.

И началась повсеместная свистопляска, именуемая жизнью.

* * *

Принесла плодovitая Гея Урану титанчиков – шесть мальчиков и шесть девочек, – и стали они, разбившись по парам, тоже порождать, не мешкая.

Так возникли: Солнце, Луна, Заря розошерстая... Не говоря уже о ветрах, океанидах и прочей ерунде вроде звёздочек.

Правда, быстро пресытившись суетой утомительной, поднялся Уран над всем сущим и стал оттуда править миром. А вот жена его, Гея, увы, не смогла пресытиться. И всё рожала как заведённая.

– Чьё это?! – громыхал Уран, разглядывая уродливых циклопчиков.
– Твоё! – уверяла мужа невинная жёнушка.
– А это?! – указывал он на сторуких гекатонхейров.
– И это. Как на духу... А ну-ка, деточки, обнимите скорей папочку!
И бежали сторукие обниматься. Да так, что Уран продохнуть не мог.

Отбиваясь от ласк тех навязчивых, мчал к себе правитель материи и до зари грохотал там раскатисто. Пока однажды не пришла ему гениальная идея, всякого папашу посещающая изредка.

– А забрала б ты с глаз долой этих деточек! – пророкотал Уран в то утро памятное. И отозвалась его супруга изумлённая:

– А куда ж мне забрать-то их, миленький?!
– Да всё равно! Хоть туда, откуда вылезли! – разразился Уран грозной бурей.
И вобрала в себя Гея титанчиков.

А вобрав, принялась их в своём чреве против папашки науськивать.

Крон

Прилежней всех науськивался младшенький, Кронушка. Среди своих – Хрон или Хронос-джуниор.

Жутко нравилось тому Хроносу, сидя на коленках матушки, внимать колыбельной песенке:

Папка мамку не любил,
Кровных деток истребил,
Ай, люли, люли, люли —
Серпом папку оскопи!

И вот однажды, до одури наслушавшись того проникновенного шлягера и раздобыв по случаю серп нержавеющей, взял Крон да и оскопил папашу единокровного. После чего безжалостно низверг оскопленного.

Подробности того инцидента греки умалчивают. Но вот схема: серп, оскопление, низвержение – прослеживается ими и впоследствии.

* * *

В итоге, взобравшись на пригретое папино местечко, стал отныне Хрон единовластным царём всего сущего.

– Нет нынче никакой веры деточкам! – вздыхал он частенько вечерами томными. – И куда только мир катится?

«Куда-куда... – ехидно посмеивался Тартар. – Знамо куда, чай образованные».

А жена Крона, Рея кроткая, покорно помалкивала в тряпочку. И помалкивая, рожала мужу богов исключительно. По сугубо гастрономической надобности. Был у Хрона такой пунктик. Страдал он вдобавок к параноиче божественной богоедством любительским и, в отличие от низвергнутого папаши, любил своих деток чуть прожаренными и пожирал их порой даже без соуса.

Выгода тут прослеживалась очевидная. С одной стороны, брюхо сытое, с другой – власть незыблема.

– Ну-у, – потирая ладони в предвкушении, вопрошал он жену свою кроткую. – Кого нынче родила мне, в смысле сготовила?

– Аида, – вздыхала Рея несчастная.

– Еврея, что ли?!

– Бога, Аидушку.

– Appetitное имя. Подавай кровиночку!

И лопал Крон чад своих без угрызений совести.

«Боги, – часто повторял он, косясь на серп нержавеющей, – знаем мы этих богов изменчивых».

Зевс

А вот громовержец будущий, ввиду вышеописанных обстоятельств, родился на Крите, в мило обустроенной пещерке.

Пятеро его божественных братьев к тому времени давно уже переваривались в желудке у бабушки. А тут и новорождённого пригласили на трапезу.

Да только не стала Рея отдавать на съедение младшенького. Завернула она в пелёнку булыгу бесхозную и подсунула мужу муляж, приговаривая:

– Кушай, Хронушка, кушай, родненький! Свеженький, парной, только родила. Кличут Зевсиком.

И чавкнул Крон, не подавившись.

Ну а греки потом в честь Реи той сообразительной часть мачты назвали для повешения.

* * *

А спасённый младенец рос себе в той пещерке спокойненько, вкушая медок и козу Амалфею посасывая, ни горя, ни нужды не ведая.

Воспитанием его занимались нимфы прелестные. Возмужанием – куреты мудрые.

И вырос божок, на радость мамке и назло папочке, смыслёным да всемогущим.

А как возмужал, двинул отца низвергать – согласно традиции.

– Чтоб непременно возвратился к ужину! – кричала ему вдогонку Рея-матушка.

– Ладно... – бурчал подросток трудновоспитуемый. – Папку вот оскоплю и отужинаем...

В итоге и на сей раз не подкачал серп испытанный.

Рубанул им сынок по чреслам папеньку, попросил срыгнуть оскоплённого, и выскочили на свет боги непереваренные: Посейдон, Деметра, Гера с Гестией и Аид, вечно мрачненький.

Влажный климат папашиной утробы пошёл лишь на пользу богам отторгнутым. Детки нагуляли жирок, налились соком желудочным... Но тут против них неожиданно восстали дядюшки.

«Высочки! – взревели титаны-родственники. – Молодо-зелено!»

Тоньше других и пронзительней вопил оскоплённый Хрон-бабушка.

Тут-то началась великая титаномахия, иными словами – мордобой божественный.

* * *

Нещадно били молодых богов могучие дядюшки. И если б не гора Олимп неприметная, неизвестно, чем бы дело кончилось.

Но вот закрепились боги на высотке той стратегической. Похватили молний, циклопами накованных. И послали сторуких гекатонхейров швырять во врагов те молнии. А сами сели вкушать нектар с амброзией.

Да так ожесточённо и доблестно, что не вынесли титаны подобной наглости и сошли дружно в Тартар посмеивающийся.

* * *

Однако этим противостояние не ограничилось.

За пленённых вдруг жутко разобиделась Гея-бабушка.

Выкрикнув в сердцах: «Одна голова – хорошо, а сто – лучше!», разродилась она стоглавым Тифончиком и, пропев: «Чудище ты моё ненаглядное, носовых платков на тебя не нападёшь!», на Олимп богов жечь его отправила.

Хорошо, Зевс громовержцем оказался да посшибал тому Тифону все его жуткие головы. Иначе быть бы молодым богам носовыми платочками.

Посейдон

А вот Посейдон, бог морей и земли колебатель, страдал, говорят, от собственного имени. Как только ни склоняли колебателя, как ни рифмовывали. И не только, кстати сказать, на Олимпе стратегическом.

Вот и нервничал бог. Вот и волновалось море.

Но чем сильнее бушевал Посейдон обидчивый, тем витиеватей воздавали ему молитвы рыбаки с матросами.

– Угомонись уже, Пося! – говорили олимпийцы колебателю. – Не гони волну. Ты же бог. Не будь мелочным!

Но не успокаивался Посейдон Хронович. И понять его мог разве что Инах, сын Океана и Тефиды, склочницы.

Но где тот Инах?.. Вечно странствует.

Словом, неприветлив и угрюм был бог-буреврежец.

Но вот прибили его как-то волны к Наксосу, острову, и увидел он там Амфитриту танцующую, дочь Нерея, старца водного.

И так славно хороводы водила та девица, что воспылал к ней Посейдон любовными чувствами. И решив для себя: «Пока дева на Наксосу, надо действовать!», указал трезубцем на колесницу рессорную и предложил прокатиться красавице.

Да только прокатила колебателя та хороводица.

Сказав: «Я на минуточку», сбежала она к титану Атласу, что на могучих плечах своих небосвод удерживал.

И расвирепел Посейдон обидчивый. Бросился всюду искать свою хороводницу. Да только зря океаны взбаламутил, бесследно пропала его зазнобушка.

И вот уж совсем было Посейдон опечалился, как подплыл к нему дельфин и спрашивает:

– Не Амфитриту ли ищите, колебатель? Коли так – могу проводить. За желание... Звездой хочу стать. Подсобите трезубчиком?!

– Да легко. Легче лёгкого! Хоть звездой, хоть созвездьем! – Посейдон дельфину ответил и так тронул трезубцем остроногого, что тот в два счёта на небеса отправился.

А Амфитрита как ни кричала своему милому Атласу, всё ж не смог титан небосвод выпустить.

И утащил Посейдон в пучину танцовщицу. Да там женой и сделал быстренько.

А она ему в отместку наследничка родила.

– Тритон?! – обрадовался папаша новоявленный. – Ух ты, имечко-то какое звучное. Не одному мне теперь рифмоваться, получается!

И дует с тех пор Тритон в раковину да бури накликает грозные.

Нравом, говорят, сынок в папашу выдался.

АПОЛЛОН

Ох и любвеобилен... Ох и могуч был Зевс сиятельный. Страдал и млел от него женский пол нещадно.

Ещё бы – тучегонитель, вершитель, громовержец!

Разумеется, жене его, Гере, доставалось. Романы, интрижки, не говоря уж о бесконечном флирте божественном.

Однако скандалы его не останавливали.

– Ну бог я, понимаешь? Бог! – втолковывал он жене своей ревностной. – Природа у меня такая!

А та всё гонялась за его пассиями.

Титаниду Латону, к примеру, так и вовсе на остров посреди океана выслала. Греки утверждают, будто Зевс в порядке оболыщения перепелом ради той титаниды прикинулся.

Но и птичьи подробности не смягчили гнева Гериного. Крикнула дракону: «Фас!» – ревнивица и спустила на Латону Пифона стоголавого.

Загнал дракон титаниду несчастную на плавучий остров Делос, и родила она там близнецов божественных: Артемиду и Аполлона.

* * *

Очаровательным мальчишкой получился Аполлончик златокудренький. Любили, баловали его боги, родичи.

Гефест даже серебряный лук с золотыми стрелами мальцу выковал. А проказник схватил игрушку смертоносную, да и расстрелял из неё Пифона стоголавого.

А на могилке драконьей возвёл Дельфы священные.

* * *

Или вот ещё случай памятный.

Встретился как-то Аполлону Эрот пухлый, с колчаном стрел влюбляющих.

И рассмеялся Аполлон залиvisto:

– Зачем тебе стрелковое оружие? Ну какой из тебя лучник, мелочь пузатая?

– А вот такой! – крикнул Аполлону Эрот обиженный и пронзил стрелой любви бога заносчивого. А стрелой нелюбви поразил Дафну, красавицу, дочь Пенея, божка местного.

И полюбил Аполлон Дафну юную. И не полюбила Дафна бога златокудрого.

– Стой! Куда бежишь, дурочка?! – кричал Аполлон нимфе возлюбленной. – Я ведь не абы кто, а сын Зевса! С намереньями!

Но бежала от него нимфа трепетная.

И гнался за ней Аполлон намеренный.

Тогда взмолилась дева Пенею старому: «Спрячь меня, замаскируй, папенька!» И обратил её отец в древо кряжистое.

Грубой корой покрылась Дафна несчастная. Ноги корнями в землю ушли, руки ветвями к солнцу потянулись...

Нарвал лаврушки с той Дафны Аполлон опечаленный и, украсив ею чело божественное, молвил пророчески: «На соления пойдёшь теперь, на консервацию!»

После чего укатил горевать к музам творческим. Любил бог с музами погоревать время от времени. А если вдруг музы заканчивались, бог и с юношами горевать не брезговал.

* * *

Был у него, к примеру, друг Кипарис, сын царя Кеоса. И так один олень тому Кипарису нравился, что, пристрелив его на охоте нечаянно, зашёлся нечастный в рыданиях:

– Покарай меня, Аполлон, по всей строгости!

Ну и превратил златокудрый бог Кипариса в дерево хвойное.

Греки с тех пор исключительно возле могилки те кипарисы высаживают.

* * *

Или вот ещё случай ботанический, уже с другим товарищем Аполлона, Гиацинтом, произошедший.

Метали они как-то с Гиацинтом тем диск бронзовый – древнегреческое народное развлечение «кто выше выбросит». И Аполлон, разумеется, выиграл.

Так рекордно метнул болванку тяжёлую, что, срикошетив, пробил она тому Гиацинту голову.

Так и ушёл тот с лужайки в царство Аидово.

А Аполлон зачерпнул крови тёпленькой и аленький цветочек из неё в горшке вырастил.

«Вот, – говорит, – друг мой возлюбленный, будешь отныне вечно жить... на подоконниках».

И забренчав на лире златострунной, к музам горевать укатил. Как водится.

* * *

Из-за той самой музыки, кстати, сатир Марсий шкуры-то своей однажды и лишился.

Нашёл козлоногий флейту серебряную, что Афина в лесу выронила, и возгордился чудесной находкой. Аполлона вызвал на музыкальное состязание.

– А ну-ка, поглядим, – хихикает, – чего ты супротив моей флейты сделаешь?!

Да тут же и проиграл по очкам то соревнование. В три аккорда спустил Аполлон шкуру с козлоногого.

Греки утверждают – на память. Уж больно она ему, говорят, понравилась.

Актеон и Артемида

А вот сестра Аполлона, Артемида, в Греции всегда считалась заядлой охотницей. За это античные греки любому кишки наизнанку вывернут.

Стыдлива, говорят, была Артемида, невинна. Никто из смертных красоты её девственной не видывал. Одному лишь Актеону улыбнулась фортушка.

Пошёл как-то Актеон дичь пострелять с приятелями, да так медовухи настролялся, что горшок от амфоры не отличал воочию. И решил с пьяных глаз в ближайшем гроте освежиться.

А в гроте том, по оказии, Артемида с нимфами купалась.

Увидел её похмельный мученик и аж заблеял от изумления:

– Ты, бэ-бэ, кто?! – спрашивает.

– А ты кто?! – зарделась Артемида стыдливая.

– Я? Я Ик-теон, сын А-аристея!

– Смертный, что ли?!

– Ну-у... в данный момент... почти... Дай водицы испить, милая, кем хочешь для тебя стану!

– И оленем?

– Да хоть выхухолью!

– Нет, – улыбнулась Актеону богиня-охотница, – истинный мужчина с рогами должен разгуливать!

И превратила Актеона в оленя статного.

Расцвели на голове его рога ветвистые. Зацокал Актеон копытами стройными. И молвила ему богиня-охотница:

– Беги же скорей, расскажи приятелям, что саму Артемиду видел, девственную!

И побежал олень-Актеон перед друзьями хвастаться.

Но не признали приятели собутыльника. Затравили псами гончими да на вертеле кусками зажарили.

– Эх, – сокрушались они, причмокивая, – жаль, нет с нами Актеона верного. Вот уж кто б по достоинству оценил оленятинку.

Так и погиб Актеон, сын Аристия.

Ну а из псов тех гончих боги созвездие по привычке сделали.

Аид и Персефона

Или вот, к примеру, Аид мрачный. Ну, казалось бы, уж такая персона важная, а от тёщи страдал, как последний смерд.

И всё потому, что прельстился юной племянницей своей, Персефой, дочерью Деметры и громовержца сладострастного.

Бегала, говорят, та Персефона по лугам с подружками, рвала себе цветочки алые... А Аид подглядел, прельстился и к брату Зевсу стремглав кинулся.

– Отдай, – говорит, – мне Персефону по-братски. Прельстился – аж горю весь, будто в пламени!

А громовержец ему:

– Бери на здоровьице. Но только так, чтоб Деметра не пронюхала.

И помчался Аид взбудораженный к Гее-матушке с просьбой сердечною:

– Помогите, мамаша, пожалуйста, умыкнуть вашу внучку для сватанья!

И обрадовалась плодородная матушка:

– Наконец-то! Не дождусь уж, думала! Боялась, сынок-то в меня пошёл, в Гею!

И прорастила на радостях цветков красоты невиданной.

Рванула тот цветок Персефона нежная, да и провалилась в царство Аидово. Только Солнце-Гелиос её и видел.

Примчалась Деметра на крик дочери, а там лишь океаниды безмозглые – мычат, блеют, глазками хлопают.

И взмолилась тут Солнцу мать безутешная:

– Не видал ли ты дочь мою, о светлый Гелиос? Как сквозь землю она провалилась!

– Так сквозь землю и того... ухнула! – отвечал ей златоликий Гелиос.

И о сговоре братцев всё выложил.

Ох и разгневалась богиня на небожителей. Ох и закатила на Олимпе истерику. А затем, собрав туники нарядные, уволилась из богов без выходного пособия.

* * *

Замерла с её уходом жизнь во всей Греции – облетели деревья, травы повисохли.

А Деметра устроилась у царя Элевсина, Келея, нянечкой и знай себе сынишку его Демофонта балует.

Натирает на ночь пряной амброзией да в горячую печь кладёт – подрумяниться.

Но не вышло суфле из Демофонта мелкого. Проснулась его истеричная маменька и весь процесс кулинарный испортила.

– Ах ты, дура! Дура набитая! – набросилась Деметра на бедную женщину. – Не видать теперь Демофону бессмертия! Пропадёт, как и все, – сгинет пропадом!

Насилу эвлесийцы храмом её успокоили.
Впрочем, и он Деметру не особо умиловил.
Оставалась земля бесплодной, богам жертвы на ней не курились.

Закручинился громовержец без курева и письмо Аиду отбил срочной молнией: «Брат Аидушка (зпт) смилуйся (тчк) Твоя тёща нас крайне третирует (тчк) Ты б вернул Персефону склочнице (тчк) Хоть на лето (зпт) хоть на каникулы (тчк)».

И ответил Аид брату всевластному: «Насовсем забирай (зпт) коли надобно (тчк)».

«Мы весь год это счастье не выдержим (тчк), – прилетела ответная молния. – Три сезона потерпим (зпт) не более (тчк)».

* * *

С этих пор у богов так и водится. Три сезона на Олимпе – дочь с матерью. А как возвращается к Аиду девица, мать грустнеет и зима наступает лютая.

Лишь Аиду в аду жарче жаркого – Персефона-то, говорят, в мамашу характером.

Афина

Какие только коленки Зевс не выкидывал. Однажды, к примеру, даже родил через голову. От Метиды, богини мудрости.

Греки о том часто метрикой хвастают.

Нагадали как-то Зевсу мойры древние, что Метида ему сынка родит – выродка. И взволновался тучегонитель мнительный. На ужин позвал богиню мудрости. «Приходите, – говорит, – Метида, любезная, разговор к вам важный имеется».

А сам взял да и съел на десерт богиню, с пирожным.

Да так запил её амброзией плотненько, что голова наутро чуть не треснула.

Призвал к себе Гефеста Зевс страдающий и застонал ему прямо на ухо:

– Ох и худо ж мне, Гефестушка, миленький! Голова вся аж гудит и раскалывается. Ты б помог мне, сынок, помог, родненький!

А Гефест, не поняв сложной метафоры, просто раскрыл отцу голову надвое.

И выскочила из черепашки отцовской доченька – в полном армейском обмундировании: с копьём, щитом, в доспехах сверкающих.

Замотал тут родитель башкой раскрытой. Замычал: «Афи!.. Афи!..» – в изумлении. И назвали дочь Афиной-воительницей – богиней войны и мудрости. Войны – поскольку родилась по-походному, а мудрости – ибо грабли изобрела наступательные. Ну и ещё кое-что, по мелочи: флейту, трубу, горшок глиняный. Но грабли – главное. Из них вся мудрость-то и проистекла впоследствии.

А Гефест с той поры молотком врачевать всех принялся. Греки говорят – безотказно работает.

* * *

А Афина в какой-то момент вдруг увлеклась рукоделем, вышивкой. Всяк могла – и крестом болгарским, и оверлоком обшивочным... Оттого вот и вызвала её однажды Арахна на состязание.

«Поглядим, – говорит, – кто из нас носки лучше штопает!»

А богиня ей: «Вот уж совсем вам не советую. Если что, я ведь и пришить могу намертво!»

Но Арахна её не послушала и ковры стала ткать с картинками. Да всё про богов, всё неприглядное. Вот и огрела её богиня челноком по темени.

Не перенесла того удара прядильщица и на шёлковой пряже повесилась.

А Афина из петельки её вынула, по щекам посиневшим отшлёпала и говорит: «Живи же, плети же, искусница!»

И превратила Арахну в паучиху мерзкую.

А сама за новой сбруей к Гефесту отправилась.

– Скуй, – говорит, – мне, братик, доспехи модные – с низким вырезом да высоким врезом. Расплачусь с тобой чистым золотом.

А Гефест ей:

– Не надо мне золота! Мне любви твоей будет достаточно!
Да как ринется с пылом на скромницу, да как овладеет её правой коленкой.

Пролилось с того колена семя божественное, и закричала Гея оплодотворённая:
– Да вы чего тут, ироды, делаете?! У меня же весь год овуляция!!!

Прокричала так богиня разгневанная и родила мальчика Эрихтония.
«У-у-у, – засуетился сейчас же Гефест озадаченный, – я ж забыл совсем, у меня ж горны погашены да вулканы не прибраны!»

И как дунет куда-то в подштанниках, только Гея с Афиной его и видели.
А сиротку того, Эрихтония, Афина в одиночку возвращала. Как-никак колено единое.

Гермес

А вот Гермеса небожители сызмальства величали посланцем божеским.

«Ух, посланец!» – часто выкрикивали. Ибо страдал тот Гермес kleptomанией и тянул у богов что ни попадя.

То у Зевса свинтит божий скипетр. То трезубец умыкнёт у колебателя. Вот и возносили ему молитвы жулики греческие. Редкостным пройдохой у них бог Гермес числился.

У Аполлона, к примеру, ясноглазого стадо коров увёл ещё в младенческом возрасте.

Выбрался из люльки, стащил подгузники, и недосчитались в поголовье штук пятнадцати.

А потом увидел Гермес черепаху на камешке, смастерил из неё лиру звонкую и сидит себе тихонько потренькивает. Да к старику пристаёт прохожему:

– Старик, а старик, хочешь коровку молочную? Бери, мне не жалко, пожалуйста, – только не выдавай моего месторасположения...

Глянул старик на младенца испуганно. Принял молча корову молочную.

А Гермес переоделся в обличье новое и снова к нему подсаживается:

– Старик, а старик, хочешь бычка крепкого? Бери, мне не жалко, пожалуйста, – только укажи, куда мальчонка с коровками направился.

Ну и взял обомлевший старик бычка в подарочек. И направление указал рукой трясущейся.

А карапуз, сказав: «Будешь знать, как на богов ябедничать!», превратил его в скалу гранитную. И дальше побежал баловаться.

Разделал в Пилосе двух коровок жертвенно, остальных завёл в пещеру укромную и домой примчал да в люльку плюхнулся.

Лежит себе мирно, агукает.

А мать Майя поёт ему песенку:

– Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю,
Не то Аполлон придёт
И стрелой тебя убьёт.

– А пусть сперва докажет! – улыбается младенец в люлечке. – Презумпция невиновности во всех законах прописана!

И ворвался тут в грот Аполлон рассерженный.

– Верни коров, – кричит, – гнида мелкая! Не то сгною тебя в мрачном Тартаре!

А Гермес зачмокал грудь мамкину, затуманил глазёнки блаженные.

– Каких таких коров? – бормочет. – Не ведаю. У меня вон молочка – груди полные!

И схватил тогда Аполлон проказника, и к Зевсу поволок, к родителю.

– Смотрите, папаша, каков выродок! Без году неделя, а уж стадами коровокрадствует!

Осерчал родитель на воруягу мелкого. Да как громыхнёт громом и молнией: «Как породил, так и поражу негодника!!!»

А Гермес хлопнул невинными глазками, лиру достал из подгузника и забренчал так пленительно, что весь Олимп заслушался той музыкой.

Аполлон аж заскулил от зависти.

– Давай меняться? – говорит братику. – Ты мне – лиру, я тебе – лук серебряный...

– Это я и так всё украду у тебя запросто, – улыбается младенец богу златокудрому. – Ты мне лучше коровок оставь украденных.

На том по рукам и ударили. И играет с тех пор Аполлон на лире черепаховой. А посланец Гермес с коровками балуется.

Афродита

Вегетативно, говорят, зародилась Афродита златовласая.

Как оскопил Хрон Урана-родителя, капнула в морскую пену ДНК отцовская, и вышла из неё богиня – пеннорождённая.

Увидали киприоты Афродиту выходящую и храм ей тут же пафосный отгрохали. А богиня взошла на Олимп стройными ножками и принялась оттуда любовь да ревность по земле рассеивать.

* * *

Полюбит, к примеру, какой мастер сотворённую им статую – и оживит её богиня добрая. Вот, мол, вам, гражданин Пигмалион, жена в подарок. Получите и распишитесь в личном пользовании.

А тех, кто пренебрёг дарами её бесценными, наказывала богиня суровая.

И вот пример.

Влюбилась как-то лесная нимфа Эхо в Нарцисса прекрасного, а тот взял да и отверг душевные порывы девицы.

– Отвяжись, – закричал, – надоедливая! По пятам за мной всюду бегаешь. Повторяешь слова, как дурочка!!

Разгневалась на Нарцисса богиня златовласая и огрела его наотмашь любовью пылкой.

Склонился к луже испить водицы юноша. И влюбился в своё отраженье без памяти.

– Кто ты, красавчик писанный? – у самого себя спрашивает. – Больно уж мне твой лик божественный нравится.

А сам не ест, не пьёт – всё ответа ждёт да в лужу смотрится.

Так и зачах на болоте том гнилостном, превратившись в цветочек беленький.

* * *

А вот из Адониса юного цветочек вышел аленький.

Как последняя девка, в того Адониса богиня втрескалась. Олимп ради него бросила, увлеклась охотой спортивной. За утками, за зайцами словно малахольная бегала. Но вот вспомнил однажды Адониса кабан подстреленный, и истёк кровью чудный юноша.

Несёт его на руках Афродита ополоумевшая, а кровь из рваных ран в траву так и капает. И прорастают из тех капелек анемоны алые.

Увидел Зевс, как бедняжка по Адонису убивается, и упросил Аида на побывку отпустить любовника.

«Иначе совсем, – говорит, – баба тронется».

Вот и мечется с тех пор бледный покойничек. Полгода с Афродитой милуется, полгода у Аида отлёживается.

Впрочем, «златовласка» не скучает в его отсутствие. И Гефесту, супругу законному, от кого только не рожают деточек.

И от Ареса, и от Гермеса, и от Диониса, Адониса, Анхиса...

А Гефест смотрит на весь этот страх и ужас на примере Деймоса с Фобосом, да только головой покачивает.

– Эти-то уж совсем какие-то страшненькие!

А Афродита ему ласково:

– Иди куй, муженёк миленький! Иди куй!

И уходит бог-кузнец махать молотом.

А потом опять диву даётся по возвращении. Благо див всегда хватало в Древней Греции.

* * *

Но вот сплёл как-то Гефест сеть золочёную. Подвесил в спальне супружеской. И поймал в неё Ареса с Афродитою.

– А чего это вы тут делаете? – пойманных спрашивает.

– Да вот, лежим, – отвечает ему супруга бесстыжая, – от трудов божественных отдыхаем!

– В неглиже-то?!

– Да, в неглиже. Неглижим, отдыхаем!

И сказал тогда Гефест Афродите ветреной: «Хоть и прекрасна ты, жена моя любимая, да только сердце твоё слишком уж изменчиво!»

На что ответила ему пеннорождённая:

– Иди куй, муженёк! Иди куй, миленький!

Гефест

Сам же Гефест неликвидным ребёнком выдался.

Покрутила его в руках Гера-маменька.

– А где тут у нас помойка? – Зевса спрашивает.

– Зачем тебе?

– Да так, кое-что выбросить.

И скинула с Олимпа дефективного отпрыска.

Долго летел Гефест вверх тормашками – благо погода выдалась лётная. Много о мамке успел дум передумать. А как додумал, грохнулся в море синее, и подхватили его Эвринома с Фетидою, дочери Океана и Нерея, старца кроткого.

Подхватили да в лучезарный грот вынесли.

И вырос в том гроте младенец всем грекам на зависть – хромым, кособоким да в кузнечном деле искусным.

Дни и ночи махал он своим молотом. Машет, бьёт да о мамке всё думает.

И как придумал, выковал ей трон золотой, с камнями, да отправил его на Олимп до вос-
требования.

Подивилась Гера подарку невиданному.

– От кого?! – вопрошает.

А никто и не ведает.

«От анонимного, – говорят, – воздыхателя».

Ну и села в него Гера властная. И обвили царицу путы крепкие. И не нашлось на те путы ни ключа, ни слесаря.

Уж и бил их Зевс громом-молнией – колотил-колотил, да всё без толку.

Вызвал он тогда к себе Гермеса-посланника.

– Ты уж сыщи, – говорит, – мне того воздыхателя! Да не мешкай, царице не можетя!

И примчали сандалии крылатые бога к двери Гефестовой кузницы.

Но послал кузнец Гермеса до матушки.

«Будет знать, – ревет, – как детьми расшвыриваться!!!»

Передал отцу сын то послание, и призвал к себе Зевс Диониса-пропойцу – бога водки, вина, алкоголиков.

– Перепьёшь кузнеца? – сына спрашивает.

– Перепью! – тот отцу ухмыляется.

А затем, взяв вакханок две дюжины, к брату в кузнию на тройках отправился.

* * *

– Первый тост предлагаю за папеньку! – молвил Гефесту лужёный пропойца, до краёв наливая амброзии.

А потом: за сестёр, за племянников... Так спойл брата-бога до обморока.

Погрузил в колесницу, сонного, и помчал на Олимп с песней звонкою.

Как узрел Зевс Гефеста сомлевшего, подлетел, да и грохнул раскатисто:

– Отпусти, твою мать, мать несчастную!!!

И не смог сын папашу послушаться.

Извлёк мамку из трона отмычкой.

И обняла его царица, расплакалась.

– Где ж ты был, хромоножка пропащая? Мы же с папкой ужасно соскучились!

Ничего не сказал Гефест матушке. Только пить с тех пор стал не закусывая.

Так и ходит, то с кубком, то с молотом. Таким греки Гефеста описывают.

Гера

А вот Геру, богиню верховную, греки величают властной ревнивицей.

Ох и страдал, говорят, Зевс от её выходок. На какие только ухищрения не шёл, кем не прикидывался – и быком, и орлом, и лебедем.

Ничего не помогало эгидодержавному. Всюду слышал он глас повелительный: «Ты куда это, лебедь, намылился?! Куда хвост свой наострил, бычара поганая?!»

И кричал ей Зевс:

– На минуточку! Разгоню пару туч! Кину молнию!

Но неслось в ответ: «Перья выдеру! Хвост загну! Шкуру выверну!»

Громыхал небосвод. Содрогался Олимп от скандалов в семье небожителей.

Но сильнее всех страдали любовницы. Будто гнид их ногтем Гера щёлкала. То дракона натравит стоглавого, то змеюку наслёт ядовитую...

* * *

Так, однажды, спасая любимую, превратил Зевс юную Ио в коровище.

Но и тут Гера мужа унюхала.

– С кем ты?! – крикнула. – С этой безрогою?!

И отвисло у грешницы вымя. А у Зевса державного – челюсти.

В стойло Гера корову поставила. Приказала доить по-стахановски. А стеречь повелела стоглазому Аргусу.

Когда ж убил Гермес стража стоглавого, Гера овода на Ио направила.

Из страны в страну гнал тот овод скотину мычащую. Лишь в Египте бедняжка отмучилась – отелилась сыночком Эпафиком и обратно женщиной сделалась.

Фаэтон и Гелиос

Кстати, из-за сына того коровьего однажды вселенский конец едва не устроился.

Сказал как-то тот Эпаф Фаэтону, приятелю, что никакой тот не отпрыск Солнца-Гелиоса. «Нагуляла тебя мамка! – посмеивается. – Не бывает от загара беременности!»

И разобиделся Фаэтон чувствительный. Кинулся мамку Клименту расспрашивать.

Отвечала ему невинная мамочка:

– Не мужик приласкал меня, а Сол-ныш-ко! Хочешь – сам спроси ясноликого!

И пошёл Фаэтон Солнце спрашивать. Отыскал его в храме сиятельном.

– Ты ль мой папенька? – бога спрашивает.

– Кто таков?! – тот в ответ настороженно.

– Фаэтон я, сын Клименты праведной.

А сиятельному «алименты» слышались.

Вот и дрогнул бог Гелиос лучиком...

Но затем, разъяснив ситуацию, не отрёкся от рыжего юноши и желание обещал его выполнить.

– Что? Любое?! – Фаэтон переспрашивает. – Тогда дай в колеснице проехаться. Клянусь Зевсом, не поцарапаю!

И уступил сыну лучезарный Гелиос.

Лишь сказал: «Не лихачь там, пожалуйста, не то оба в Тартаре сжаримся!»

Но послушался Фаэтон отца ясноликого.

Впрыгнул он в колесницу огненную. Крикнул коням: «Но-о-о, залётные!» И помчал, дороги не разбирая, по небу.

Понесли его кони огнедышащие – то к звёздам взмывая, то к Земле камнем падая. И запылала Земля от той аномалии. Да так, что из живописного Парнаса шашлык сделался, а из моря Эгейского тройная уха сготовилась.

И взмолилась тогда Зевсу Гея пылающая:

– Защити, сынок! Спаси от катаклизма природного!

«Клизма!.. Клизма!..» – разнесла то воззвание Эхо юная. И проснулся громовержец в ужасе. И метнул в Фаэтона инстинктивно молнию.

Разлетелась от неё колесница вдребезги. Разбежались кони огнедышащие. А Фаэтон промелькнул кометой стремительной да в безымянную речку с шипением и плюхнулся.

И назвали греки фаэтоном коляску конную – всем последующим лихачам в назидание.

Дионис

Дионис же, олимпиец младшенький, уродился не богом, а выкидышем. И опять же из-за царицы-ревнивицы.

Как прознала Гера, что Семела, дочь Гармонии, от громовержца ждёт ребёночка, так и спросила ту ласково:

– От кого дитя? От быка или лебедя?

И зашамкала пассия губками.

А Гера ей:

– Прекращай-ка ты зоопарк тут устраивать! Пусть уж ходит, как богу положено!

И засела та мысль занозою. И принялась Семела громовержца просверливать:

– Хоть бы раз пришёл ко мне в виде божеском! Не быком, не орлом, а суженым!

И явился к ней Зевс в полной выправке... да, запнувшись о порог, молнию выронил.

И шархнула тут шаровая молния.

Заметалась Семела в пожарище. А как выкинула дитё недоношенное, так и сгнула в языках пламени.

* * *

Подобрал Зевс плод преждевременный, да и вшил себе в бедро правое. «Тут пока, – говорит, – посиди, Дионис Бедросович».

И засел Дионис в ляжке папиной.

А как сделал Зевс себе сечение кесарево, вышел в свет Дионис новорождённый и к бутылке потянулся ручками.

– Ух, мордастенький! – отец-роженик ему улыбается. – Вижу, быть тебе богом вина, красномордому!

И наказал в Орхомен снести грудничка ненасытного – к тётке Ино на воспитании.

* * *

И вот отнёс Гермес Диониса в дом тётушки.

Но наслала злопамятная Гера на мужа той Ино горячку белую. И схватил топор Атмант обезумевший. Да как начал крушить всех и вся, невзирая на личности.

Хорошо, Ино с младшеньким со скалы скинулись, не то бы и их порубал безумец горячечный.

А так утонули себе абсолютно целёхонькими и божествами морскими сделались.

Дионис же с той поры регулярно стал к бутылке прикладываться – за что и получил прозвище Бахуса.

Греки говорят, детской травмы последствия.

Хотя нрава Бахус был развесёлого. Круглый год он гулял по всей Греции да задорные вакханалии устраивал.

Веселился с ним народ, разлагался морально. А Дионис лишь на бесчинства людские любуется да упорных трезвенников карает.

* * *

Не пожелали, к примеру, дочери царя Миния с ним в вакханалии участвовать, вот и крикнул им Дионис: «Мыши летучие!» И повисли девицы, крыльями хлопая.

До сих пор так, вниз головами, болтаются – в назидание всем девственницам несговорчивым.

* * *

Или вот ещё случай примечательный.

Схватили как-то Диониса разбойники – в рабство продать удумали. Но заструилось вдруг вино прямо по палубе, и перепились матросы до чёртиков. Разглядела окосевшая команда в Дионисе льва разъярённого и за борт в полном составе скинулась.

* * *

Впрочем, не только кары раздавал Бахус праведный. Он и награждать умел великодушенько.

Например, виноделию обучил Икария гостеприимного. За что пьяные пастухи того Икария насмерть зарезали.

Вскричали: «Потравил ты нас, Икарий, бормотухой!» – и кишки хлебосольному выпустили.

Долго его потом Эригона с собакой Майрой разыскивала. А как нашла могилку отцовскую, так от горя над ней и повесилась.

И сделал Дионис из Икария Волопаса, всем известного, из Эригоны – Деву звёздную, а из шавки Майры Большого Пса вылепил. Да так в ночном небе всех и развесил созвездиями.

* * *

А вот царю Мидасу за пьянство его доблестное Дионис любое желание обещал выполнить.

– Золота хочу! – прогудел хмельной Мидас в бороду.

– Сколько? – деловитый Бахус полюбопытствовал.

– Всё, чего коснусь, хочу, чтоб превращалось в золото!

И исполнил Дионис то желание.

И стали тогда Мидаса все звать «касатиком», ибо всё, чего касался царь ненасытный, в червонное золото превращалось немедленно. От бутерброда до последней крошечки.

Так, от голодной смерти, едва и не помер богач сказочный.

Насилу Дионис отмыл в речке тот самородочек.

– Золотце ты моё ненаглядное! – оттирая, бог ему выговаривал. – Что ж ты всё ручищами хапашешь?! А вилкой и ножом тебя что, не учили пользоваться?!

До сих пор греки в той речке намывают золото.

Прометей

Добрым был титан Прометей, отзывчивым. За то и поплатился, собственно.

Сперва, пожалев богов, предал титанов-родичей. Затем, пожалев людишек, изменил богам олимпийским.

За что боги с титанами его окончательно прокляли. А первобытные людишки воспели яростно.

«Ты наш герой! – заголосили неандертальцы неистово. – Воспоём же тебя как следует!»

И ну на весь мир языками чесать о том, как титан добродетельный украл для них огонь божественный, да как из неандертальцев никчёмных их кроманьонцами сделал продвинутыми.

Вот через песни те и лишился Прометей здоровьица.

Как услышал громовержец, что титан людишкам способствует, так и приказал его приковать к горам Кавказским.

«Кол ему, – кричит, – вогнать по самые! Пусть повисит на Эльбрусе да подумает!»

И повис титан на цепях, к скале прикованный.

А людишки, добро помнящие, насочиняли про него новые песенки – о том, как висит на скале их герой доблестный да богов поносит самоотверженно. А ещё про изжаленную оводом корову Ио балладу выдумали. Дескать, приходила к Прометею скотинка мычащая, и он ей предсказал всё будущее – родится, мол, у той Ио сынок коровий, и пойдёт от него род величественный, и выйдет из того рода герой могучий, что освободит титана несчастного.

Услыхал о том громовержец неистовый и аж позеленел от ярости.

«Так он там что, – орёт, – на солнышке греется?! С моими тёлками любимыми заигрывает!»

И низверг Прометея на два века во мрак беспросветный.

А потом из мрака того жуткого вытащил и давай то лучами палить, то снегами студить мученика.

* * *

А людишки всё новые баллады выдумывают и горланят их вовсю по пьяной лавочке.

«Смеётся над Зевсом Прометей мужественный! Знает титан от Фемиды-матушки, когда и кто низвергнет эгидодержавного!»

Тут и вовсе у тучегонителя крыша съехала.

«Лети! – орёт он Гермесу-посланнику. – Одна сандалия тут, другая – там! Да скажи этому неугомонному, пусть заговорщиков выдаст немедленно, не то орла накормлю его печенью!»

Прилетел Гермес к Прометею висячему. И замотал башкой титан-мученик.

«Клянусь мрачным Тартаром – не ведаю, о чём поют эти людишки бешеные – чтоб их тот огонь уж спалил к чёртовой матери!.. Спички, каюсь, приносил им из жалости. Остальное – наветы всё, наговоры лживые!»

Но не поверил Зевс Прометею на слово и наслал на него орла ненасытного. Каждое утро прилетал стервятник прожорливый клевать печень геройскую. (Поскольку это единственный

способный к регенерации орган внутренний.) Так что каждое утро было орлу тому новое пиршество.

* * *

А людишки меж тем вконец распоясались и пуще прежнего воспевают преступника.
«Ох, и силён! Ох, и крепок духом наш Прометей несломленный! Уж и орёл его печенью лакомится, а он лишь знай себе со скалы поплёвывает!»

Заблажил от тех баллад Прометей дурным голосом:
– Всё расскажу, – кричит. – Всех сдам тебе, Зевсушка! Не женись на Фетиде-предательнице – сыночка она родит тебе, выродка!

И смилостивился тогда тучегонитель отходчивый. Послал к Прометею Геракла с заданием – сразить орла кровожадного да кол из груди титановой вытащить.
И освободил Геракл Прометея истерзанного.

Освободил, а затем и спрашивает:
– Ну, куда теперь пойдёшь, титан поклёванный?
– В Тартар, – отвечает ему Прометей искренно. – Говорят, там людишек проклятых не водится...
– Не, – улыбается герой титану освобождённому. – Этих-то уж как вшей всюду понатыкано... А что касаемо Тартара, так за тебя в него Хирон сойдёт, я уж договорился заранее – рану ему отравленной стрелой организовал незаживающую.

Так и избавился Прометей от мук вечных.
А греки его печень до сих пор воспевают. Особенно после возлиянья чрезмерного.

Пандора

Вольготно жилось людишкам с дарами Прометеевыми. Огонь согревал их жилища холодные, быки к посеву землю распахивали.

Раздражало такое положение Зевса всесильного.

«Это что ж, – говорит, – такое получается? Теперь и они, что ли, как боги, на всём готовеньком?!»

И удумал громовержец бедствия с невзгодами наслать на человечество.

Раздобыл золочёный ларец по случаю. Начинил его пороками да бактериями разными и говорит Гефесту-мастеру:

– А сваляй-ка, сынок, мне бабу крепкую. Да такую, чтоб люди ахнули!

– Хорошо, – отвечает кузнец батюшке. – Глина есть, вода есть – сработаем!

И свалял Зевсу бабу ладную.

Афродита одарила её красой невиданной, Афина начинила деву мудростью, и назвали Пандорой новоявленную – что «подарочком» с древнегреческого переводится. Дескать, «от всех по дару» получила та девица.

* * *

И влюбился в тот «подарок» Эпиметей, брат Прометей-мученика. Да так влюбился, что замуж за себя потребовал.

– Пойдёшь за меня? – Пандору спрашивает.

А та ему:

– Как не пойти за красавца эдакого?! Правда, у меня из приданного лишь ларец один, громовержцем выписанный.

И побледнел от тех слов женишок новоявленный.

– Не открывай, – шепчет. – А лучше вообще выброси! Мне мой братец Прометей сказывал: ничего хорошего не ждать от тучегонителя!

– Так я ж одним глазком! Всего на секундочку!

– Ни-ни! – замахал Эпиметей на невестушку.

– А если в темноте и захлопнуть быстренько?

– Нет! Нельзя категорически!

Как услышала Пандора «нельзя» окончательное, так на ящике том и зациклилась. Всё ходит вокруг него, рассматривает, ногти грызёт в исступлении. То потрясёт золотую кубышку, то по крышке постучит пальчиком. А потом опять к мужу возвращается и пластинку заводит заезженную.

– А если я булавкой и глянуть в щёлочку?.. Или приподнять на миллиметр с краешка?!

И кричал ей муж: «Я ж сказал: НЕЛЬЗЯ!»

– Что, совсем нельзя?!

– Да! Совсем! Лучше выкинуть!

– Вот и выкинь!!! – в сердцах Пандора ему крикнула. Да и откинула с ящичка крышечку.

И рванулись в мир пороки и бедствия. Лишь надежда осталась на доньшке. Стали люди хворать, чахнуть, стариться, истреблять друг дружку по-всякому. Словом, из первобытных да недоразвитых – в современное шагнули общество.

Часть вторая Смертные и не очень

Данаиды

А у Эпафа, сына коровьего, внучата, говорят, были очень уж плодovитые. Внук Данай породил полсотни девочек, а его брат Египет полсотни пацанов себе выстругал. Вот и решили те сыны Египетские с кузинами официально сблизиться.

– Нас пятьдесят, – говорят. – Вас пятьдесят... Давайте поженимся!
– А нам жениться не велит папенька! – отвечают египтянам скромные девицы.
– Ах, ну раз так... – вздыхают на то молодцы. – Тогда ладно, сэкономим на подарочках...
И, взявши мечи с копьями, войной на Даная двинули.

Хорошо, запасливый Данай кораблик на такой случай имел, пятидесятивёсельный. Побросал он в тот кораблик пожитки нехитрые, да и уплыл с дочками в Аргос солнечный. Так что египтяне им лишь платочками помахали с берега.

Помахали да призадумались: «Нас пятьдесят. Их пятьдесят. Арифметически всё сходится».

И, построив корабли быстрые, за невестами следом ринулись.

А как прибыли в Аргос солнечный да разбили там царька местного, снова завели свои речи призывные: «Нас пятьдесят. Вас пятьдесят. Давайте поженимся!»
И согласился на сей раз Данай несговорчивый.

– Ну, действительно, – говорит. – Раз вас пятьдесят и дочек у меня столько же – тогда, конечно, благословляю по-отечески!
Говорит, а сам с дочурками всё перемигивается.

Ну а перемигнувшись, свадьбу справили. Пятьдесят бочек вина на торжестве выпили. Пятьдесят быков зажарили. Пятьдесят баранов зарезали...

А наутро пересчитали – не пятьдесят, а лишь сорок девять получилось трупиков!.. Сорок девять женихов Данаиды той ночью по папиной указке прикончили.

А Линкея прекрасного Гипермнестра взяла да и отпустила живёхоньким.
«Люб он мне, – говорит, – пока хочу его тёпленьким почувствовать!»

И осерчал на дочку строгий папенька. Казнить велел строптивую ослушницу. Но вступилась за Гипермнестру Афродита златовласая:

– Не зарезала, – говорит, – значит, любит истинно! А недорезанный пусть теперь на спасительнице женится.

И женился Линкей на Гипермнестре влюбчивой. Да так удачно, что Геракл произошёл из их рода впоследствии.

А радостный Данай на поминках египетских Олимпийские игры устроить выдумал и вместо медалей дочерей своих повручал всем победителям.

* * *

Да только не простили боги мужегубства коварного и обrekli Данаид на муки вечные.
Льют теперь, бедняжки, у Аида воду вёдрами. Льют-льют, а кувшин тот дырявый, ок-
зывается.

Сизиф

Коварен и хитёр был Сизиф, царь Коринфский. Не было ему в изворотливости равных. Самого бога смерти Таната сумел обвести вокруг пальчика.

Как явился за ним посланник Аида мрачного, бросился к нему Сизиф с объятьями:

– Ну наконец-то! А то всё думаю: почему Танат ко мне не заглядывает?!

– Так ты ждал меня?! – удивился бог такому радушию.

А Сизиф:

– Да, конечно же!.. Конечно!.. Ну, рассказывайте, как оно – души-то забирать грешные?

– Работа как работа, – потупился бог необщительный.

А Сизиф на то:

– Но они же, небось, изворачиваются? Как вы их тогда? Чем заковываете?

– Оковы на сей случай имеются.

И всплеснул тут царь холёными ручками:

– Ах, какая прелесть! Оковы! Оковушки!.. А вы их, извиняюсь, не захватили случаем?

Страсть как подержать в руках хочется.

И протянул гость хозяину оковы крепкие... И заключил в те оковы Сизиф Таната доверчивого.

* * *

Нарушился во всём мире ход вещей обыденный. Перестали люди отдавать Аиду души грешные. И послал Зевс Ареса на задание.

Освободил могучий Арес Таната пленённого, а тот уж – всю душу выбил из Сизифа. С удовольствием.

* * *

Но и в царстве теней сумела та душонка вывернуться.

Перед смертью шепнул Сизиф жёнушке, чтоб похорон по нему не устраивала, и заждались Аид с Персефой подарочков.

– Непорядочно это, – ворчал Аид обиженно. – Не по-людски как-то, да и не по-божески.

– Так то ж жена моя, дура, запомятовала, – отвечал Аиду Сизиф изворотливый. – Ты б отпустил меня на сутки, Аидушка? А я б уж завалил тебя потом презентами...

И отпустил Аид Сизифа за подарками.

Однако не вернулся аферист в царство мёртвое. Живёт себе во дворце, поплёвывая, да роскошные пиры закатывает.

Лишь через десять лет Аид внезапно опомнился.

– Секундочку! – говорит. – А Сизиф-то куда делся с презентами?!

И почесав в затылке божеском, снова снарядил за ним Таната хмурого.

Только не стал на сей раз Танат с Сизифом разговаривать – с ходу выбил из хитреца его душу подлую.

– Вот ты пожалел нам тогда подарочков, – улыбнулся Аид Сизифу эфирному. – А мы к тебе со всем сердцем, с радушием... Смотри, какую булыгу подготовили... А ну-ка закатай её вон на ту гору покатую... Закатаешь – снова в миру окажешься!

И схватил тут Сизиф валун каменный, и покатыл его на гору высокую... Но вот вырвалась из рук булыга неподъёмная и с грохотом вниз рухнула.

Так из века в век и продолжает скатываться. Мат, говорят, над той горой стоит – отборнейший.

Тантал

А вот Тантал, сын громовержца верховного, баловнем богов у греков считается.

Всё, говорят, имел правитель Сипил богатейший, ни в чём себе не отказывал. Сами олимпийцы в его чертоги кутить хаживали. Да и к себе, на Олимп, порой пропуск выписывали.

Даже в олимпийском комитете Тантал пару раз сиживал. Оттого и возомнил себя ровней богам, видимо.

Сперва амброзию с Олимпа начал таскать по-тихому. А потом, обнаглев, стал на пирушках её вкушать уже в открытую.

Но и тогда не переставал эгидодержавный любить баловня.

– Ух и люблю ж тебя, сынок! – признавался в порыве нежности. – А за что – и сам не ведаю. Но готов любое желание твоё выполнить.

– Так не имею я, папаша, желаний-то! – улыбался в ответ Зевсу баловень. – Всё у меня есть. Как бог, амброзию кушаю.

Хмурился от тех слов Зевс величественный, но ничего не отвечал любимому отпрыску.

А тут вдруг золотую собаку у громовержца свистнули. Оставил он её на Крите – стеречь святилище, а жадный царь Пандарей украл того пёсика и Танталу уступил за мешок золота.

Послал тогда Зевс к Танталу Гермеса – посланником. Не видал ли, мол, золотую собаку, случаем?

Но вытарачился на посланца Тантал в изумлении: «Собаку?! Золотую?! Клянусь Зевсом, не видывал!»

– Ты б не разбрасывался такими клятвами, – посоветовал ему Гермес по-дружески. – Мы ведь, боги, того... всезнающие.

– Да разрази Зевса гром, если лгу тебе! – закричал тут Тантал запальчиво.

И вернулся Гермес ни с чем к тучегонителю.

– Не видал, – говорит, – Тантал твоего пёсика. Тобой божится, милый батенька.

И опять смолчал отец отходчивый. Лишь о чём-то своём задумался.

* * *

А Тантал, почуяв полную безнаказанность, решил проучить богов всезнающих. Пригласил на пир олимпийцев, приходите, мол, отведайте блюда изысканные... А сам убил Пелопса, сына своего родненького, да с приправами зажарил того на вертеле. Дескать, вот вам, всезнайки-вершители, – родственничка своего нате-ка, выкусите!

Однако не стали боги кушать Пелопса жареного.

– Благодарствуем, – говорят, – сегодня четверг – день рыбный!

Лишь Деметра, пропажей дочери опечаленная, кусок с тарелки механически хапнула.

Закричали ей боги: «Плюй косточку!» Но уж проглотила Деметра плечико. И хоть сняли боги Пелопса с вертела – пришлось вставлять ему плечо искусственное.

Из слоновой кости Гефест протез инвалиду вырезал.

А Тантала позвал к себе Аид неприветливый.

– Идём, – говорит, – у меня муки для тебя простаивают...

И приговорили боги того баловня вечный голод и жажду испытывать.

Поставили его по горло в озеро. Над головой спелые фрукты развесили. Но лишь потянет к ним руки жаждущий, лишь испить склонит Тантал голову, как утекает вода, исчезают плоды и скала нависает над мучеником.

В этот раз, говорят, Аид расстарался особенно.

Пелопс

Невезуч был сын Тантала, Пелопс. Не в отца пошёл, не в баловня.

Сперва его отец зажарил на вертеле. Затем безутешная Деметра плечико слопала. А как пришло время богатейшей Сипилой царствовать, так явился вдруг царь троянский и отнял власть у Пелопса силою.

Пришлось на юга податься горемычному.

И вот причалил он к ближайшему полуострову. Назвал его в честь себя – Пелопоннесом – из скромности. И решил на нём начать жизнь новую.

А на полуострове том Писа стояла древняя.

Величественна, богата была та Писа белокаменная. И правилею царь Эномай с дочкой – Гипподамией.

И такой сногшибательной красавицей была та доченька, что вся Писа её желала незамедлительно. Весь Пелопоннес, и вся Писа включительно.

Возжелал и Пелопс роскошную девицу.

Но не торопился царь Эномай со свадьбою. Предсказал ему как-то оракул заезжий, что от руки зятя царь околумится, вот и не желал Эномай свадьбы дочери.

А Писа, наоборот, страстно желала ту Гипподамию. И даже в очередь на неё записывалась.

Ну, и инвалид записался в ту очередь.

И объявил тогда Эномай женихам многочисленным: «Кто обскачет меня на колеснице в состязании, того зятем и сделаю! А проигравшего головы лишу за ненужностью!»

И начались гонки смертельные.

Многими головами Эномай дворцовые ворота декорировал.

Но вот подошла очередь Пелопса невезучего, и залюбовался Эномай его черепом.

– Как, говоришь, звать тебя?.. Пелопс?.. Ну и прелестненько... Поутру и поскочем с божьей помощью... Да ты не бойся, фору получишь щедрую. А уж как нагоню – так, пожалуй, шкатулкой сделаю.

Но не из робкого десятка оказался Пелопс с протезным плечиком. Не испугался он речей устрашающих. И помолившись богам как следует, к возничему Эномая, Митрилу, направился.

– Митрил, а Митрил, – подходя, улыбается, – не вставляй-ка ты шпингалет в ось колесничную. А я тебе за это полцарства выпишу.

И сторговались Пелопс и Митрил предприимчивые.

А поутру вскочил герой в колесницу быструю и помчал проворней ветра северного.

Царь же за ним как в погоню кинулся, так и разбился к чёртовой матери.

В результате на оркестре неплохо сэкономили. В том смысле, что свадьбу вместе с похоронами справили.

А как явился возница к Пелопсу за обещанным, царь Митрила в пропасть столкнул аккуратненько.

«Смотри, – говорит, – какой отсюда вид открывается!..»

И в спинку его – двумя ручками.

Но оказался тот Митрил сыном Гермеса-посланника и проклял в падении Пелопса коварного. До десятого колена включительно.

До сих пор, говорят, его потомки ножами режутся.

А Пелопс великим царём Писы в истории значится.

Европа и Кадм

Немного развлечений знали греки античные. А уж гречанки – в разы меньше ихнего. Цветы собирать да хороводы водить – вот и вся их отрада нехитрая.

За тем занятием и застал Зевс Европу юную. Застал да в златорогого быка перекинулся. (Любил громовержец время от времени хвостом помахать перед дамами.)

Вот и опустился бычком к ногам красавицы.

И давай к той Европе ластиться. То веночек сожрёт, то рукав лизнёт, то бочок забодает пухленький.

Рассмеялась тут дева задорная, оседлала бычка играючи. А тот вдруг вскочил на копыта резвенько и с утёса отвесного бросился.

Да так, не останавливаясь, и доплыл до Крита саженками.

А как вышел на сушу твёрдую – в жёны взял Европу сомлевшую.

И родила она ему трёх деточек – Радаманта, Сарпедона и Миноса лютого.

Когда же подался Зевс на другие пастбища, Европа за критского царя, Астерия, замуж выскочила. И стали с той поры бычьи отпрыски считаться сыновьями царскими.

* * *

А Агенор, отец Европы, обездоленный, послал сынов пропавшую дочку разыскивать.

И оправились Фойникс, Киликс и Кадм, младшенький, бродить по дорожкам нехоженым.

Но вот надоело братьям по дорожкам хаживать, оставили они младшего, Кадма, сестрицу разыскивать, а сами царства себе основали великие – Финикию и Киликию соответственно.

Ходит Кадм младшенький по болотам топким, кричит «ау» Европе утерянной, вдруг видит – Дельфы перед ним священные.

Заходит и спрашивает там местного оракула:

– Где мне царство основать собственное? А то брожу день за днём как неприкаянный, а братцы мои уж давно на царствах посиживают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.